

Грустная история. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiyamaxim.ru/> Приятного чтения!

Грустная история. Максим Горький

Это очень грустная история.

Когда моя муза – маленькая, бледная и нервнобольная женщина с белокурыми волосами и глубокими голубыми глазками, в которых вечно горит огонь неосуществимых желаний, огонь, медленно, но верно сжигающий её душу сомнением и тоской, – когда моя муза рассказывала мне эту историю, она горько рыдала, и моё сердце тоже плакало, вторя ей, что, впрочем, к делу не относится.

Герой мой был поэт. Когда-то на земле были истинные поэты... Не будем говорить на такую печальную тему, в этой истории и без неё много грусти.

Герой мой был поэт. Как большинство поэтов, он писал стихи, что, конечно, ещё не говорит за или против его достоинств. В этих стихах он воспевал природу, любовь и женщин, свои желания, грёзы и свои страдания, то есть страдания человека, который, имея счастье быть поэтом, подвержен несчастью жить на земле, где даже подлецам живётся нелегко. Он говорил в своих стихах, что его сердце всё изъязвлено сомнением и что черви тоски неустанно гложут его грудь, и, хотя трудно было понять, в чём он сомневается, в торжестве ли всего прекрасного или в том, что слава со временем увенчает его чело и тем отличит его от тысяч собратий по перу, – тем не менее его читали.

Его читали... Из всех способов, которыми люди убивают время, этот ещё не самый худший.

Его описания мук души и язв сердца, благодаря обильной лексикации и умелой архитектонике, выходили довольно правдоподобны и даже, казалось, были искренни... Затем, печальные песнопения были в духе времени, и потому на моего героя возлагались надежды, предполагалось, что он способен сказать новое слово, редакторы платили ему сорок копеек за строчку, критики ласково называли симпатичным талантом, барышни, читая его стихи, мечтали о нём, томно закрывая глаза, дамы же, не имея надобности закрывать глаз, просто мечтали.

И он был молод, – вот его главное достоинство. Он был молод, и поэтому порой в его стихах звучали живые, энергичные ноты надежд и желаний, ноты угроз и упрёков...

И я рассказываю о том грустном происшествии с ним, моим героем, после которого эти жизнерадостные и сильные ноты в его песнях исчезли, – о том, что окончательно и навсегда убило его молодую душу, его мечты и надежды, его веру в жизнь и людей, силу его любви и остроту его ненависти. Я рассказываю о том, что он есть...

Я начинаю с того времени, когда он, посещая свою музу, вдохновлялся, целуя её розовые щёчки, пунцовые губки, голубые глазки, беленькие ручки, – вот как красочно я пишу его музу!..

– вдохновлялся и разряжался крошечными грациозными картинками жизни природы и своей души, здоровыми и свежими, как весенние цветы, когда он благосклонно и гордо принимал от всех, кому угодно было засвидетельствовать пред ним, дань удивления его таланту, а в свободное от всего этого время думал о том, что, пожалуй, пора ему совершить нечто такое, что перевело бы его из разряда «симпатичных» талантов в разряд «выдающихся», «замечательных», а пожалуй, хоть и в разряд гениальных, – он ничего не имел и против этого. Я начинаю...

Однажды, славной летней ночью, он возвращался от своей музы, маленькой русой шалуньи, жившей в уютной, светлой комнате, где всё гармонировало между собой и где его муза, среди массы дорогих, изящных безделушек, неоспоримо и законно главенствовала над ними, как самая изящная... Эта муза не была одной из девяти, не служила Аполлону и не владела лирой златострунной, она была одной из трёх сестёр-модисток строго мещанского происхождения, весело служила Венере и, ловко владея иглой, вышивала своими пухленькими ручками и разноцветным шёлком инициалы моего героя на его носовых платках.

Он шёл, а на его лице ещё порхали огненные мотыльки – её поцелуи, в его сердце ярко пылало могучее пламя вдохновения, и сама собой слагалась светлая и могучая песнь во славу любви и в утешение вам.

Тёмно-синее бархатное небо, усеянное бриллиантами и изумрудами трепетно сверкавших звёзд, тихо и ласково улыбалось ему, а лёгкий ветер, полный аромата цветов, овеяла его горевшее от волнения счастья лицо, причёсывал ему мягкие кудри, растрёпанные тёплыми и пышными ручками его музы.

Он был одет в изящный широкий летний костюм, и в этом широком костюме таилось его несчастье, – в чём вы скоро убедитесь. Он шёл, и в сизом сумраке ночи пред очами его, сиявшими светом божественного вдохновения, в фантастическом вальсе кружились дивные образы, и его мысль, мощно связывая их в одно целое, творила чудные, полные огня жизни, поэмы, которым недоставало только слов, звучных, красивых слов, чтоб в стройной гармонии созвучий вырваться из его груди и понестись над землёй, зарождая в сердцах людей стыд за прошлое и ярые потуги и поползновения к совершению поступков положительного свойства.

И эти поэмы, уже созданные его сердцем и наполнявшие его грудь мучительно сладкой жаждой формы, рождали в нём божественное чувство сознания его силы и мощи, вознося его туда, в родное его духу небо, где тени уже умерших поэтов-гениев, невидимо носясь в голубом сиянии нежной луны, – он слышал – шептали ему звучные и ободрявшие его слова.

Он шёл, чувствуя себя творцом, равным богу, связывая в душе своей дивные образы, облакал в них свои мысли, и небо казалось ему голубой грандиозной поэмой, совместившей в себе все великие идеи вселенной, поэмой, рифмованной живым блеском звёзд и проникнутой торжественным сознанием своего совершенства.

– О жизнь! – вскричал он, мой поэт, в восторге от созерцания неба и жизни своей души. – О жизнь! – повторил он и, задыхаясь от желания произнести хвалебную речь жизни, не сказал ничего.

Он, молча, весь излился в улыбку неземного блаженства и восхищения, – и звёзды с небес ответили ему ободряющей улыбкой. Он задумался и почувствовал, как на душу ему пахнуло лёгкое дуновение сладкой печали, той тихой печали, которая не омрачает чела, но облагораживает его...

В этот момент моего героя в первый раз укусила блоха.[1]

Это просто блоха, та самая блоха, которая описана Бремом и которая водится в белье.

Тёмно-коричневая, легкомысленно скачущая, она кусается... Ты знаешь, как она кусается... Она дьявольски зла и создана природой для того, чтобы дать пессимистам один из несокрушимых доводов в пользу положения «жизнь – страдание». Ты, читатель, может быть, не знал, для чего она создана? Так знай же теперь и преклонись пред объективизмом природы, которая не забывает и философов в своей заботе о людях. Знай это, и извини мне маленькое прыгающее неприличие, выпущенное мною на сцену, – извини мне его! Тебе так легко сделать это, ибо другим авторам ты извиняешь и более крупные неприличия...

Она укусила его в локтевой сгиб левой руки... Он почувствовал укус, но не отдал себе отчёта в нём и, машинально почесав укушенное место, снова погрузился в восторженное созерцание.

Мой герой шёл – и тишина вокруг него, казалось, чутко вслушивается в волнения его сердца и мысли... Он шёл и, чувствуя себя центром мироздания, мечтал, мечтал, мечтал... Он мечтал о славе и любви и прозирал в тумане будущего себя из бронзы на пьедестале из мрамора...

– Я заслужу это! – шептал он в восторге. – Я сокрушу гидру лжи и драконов злобы уничтожу. Я укажу человечеству дорогу к счастью и славе, я выведу его из мрачного леса сомнений в силах к жизни на сияющую долину веры в высокое призвание его! Я докажу ему его первородство и докажу, что пошло и трусливо продавать это первородство за чечевичную похлебку иллюзорных моментов!..

Грустная история. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Несокрушимо сильное желание жизни – залог успеха во всём, чего хочешь... Будь же твёрд духом, человек! – скажу я и заставлю поверить мне. И тогда...

Он почувствовал, как что-то впилось ему подмышкой, и вздрогнул от неожиданности и боли... Но этот эпизод не прерывал его мечтаний.

– Я создам новую боевую философию, в которую вмещу весь цикл великих идей, выработанных человечеством, связав их величиим человеческой души, величиим, которое я докажу, как никому ещё не удавалось до меня. Я разбужу гордость в людях, поражаяще ясно показав им то великое, что они делали уже, и убедив их, что, при желании, они могут сделать и всё остальное для счастья и славы...

Ему кусали грудь... Он нетерпеливо почесался.

– ... Разбудить гордость людей – вот моя задача! И я разбужу её! Я напишу поэму «Битва Титанов» и в ней воспроизведу всё то, что пережило человечество до сего дня. Этого достаточно для того, чтобы убедить людей повысить цену своих способностей. И моя поэма будет лучшей и вечной системой этики, несокрушимой ничем, ибо в основе её будет лежать гордость богов, творивших жизнь...

Его кусали ожесточённо, больно и часто... Кусали грудь, спину, ноги, руки... И не успевала угаснуть боль одного укуса, как уже в другом месте в его тело вонзалась как бы острая, раскалённая игла. Он, то и дело вздрагивая, раздражался.

– Да, люди мало ценят свои силы, – вот причина их слабости!.. Проклятие ей!..

Тут он бешено скрипнул зубами, ибо почувствовал, что в его грудь как бы воткнули тонкое и острое шило, воткнули и поворачивают его... Но, увлечённый своими думами, он пока ещё терпел боль, не пытаясь исследовать её причину.

– Итак, вперёд – за работу для славы, для жизни, для людей!.. муза, зову тебя! Иди и дай мне славы, блестящей, как огонь, я полон желания петь, я полон идей и страсти... О музы, жду я вас! идите мне на помощь!..

Но музы не шли... Наша обязанность – извинить им это; мало того, мы даже должны пожалеть их. Бедная Эрата, бедная Эвтерпа, бедная Каллиопа!.. Только подавленная обилием практики земская акушерка может понять вас, несчастные дочери Аполлона! Бедные музы! думали ли вы, что на земле настанет время всеобщих эстетических потуг и поползновений, и вы, прекрасные и величавые жрицы чистого искусства, будете служить искусству родовспомогания, употребляя сверхъестественные усилия для того, чтобы помочь сотням тысяч психопатически настроенных смертных разрешаться от бремени языкоблудия худосочными поэмами и рахитическими сонетами?

Бедные музы! Бедные музы!

Я понимаю, почему вы не явились на зов моего поэта. Можно ли успеть вам удовлетворить всех, ныне зовущих вас на помощь!.. Бедные изнасилованные и истязуемые музы! Вы не пришли на зов моего поэта, и я не поставлю вам в вину этот поступок, хотя и дорог сердцу моему загрызенный жестоким насекомым мой герой... Ибо, дожидаясь, он, наконец, вскричал:

– О-о! Будь я проклят, кто это так ест меня?

Он имел право обратить внимание на своё тело, измученное и принесённое в жертву духа тело, ибо уже достаточно долго дух его парил в надзвёздных сферах мечты.

Итак, мой герой почувствовал боль и таким образом спустился из сфер мечты в сферу суровой действительности.

– Кто меня грызёт? – спросил он, чувствуя, что в его тело как бы тысячи ос вонзили свои жгучие жала и оставили их там.

И, в недоумении, он стал яростно... чесаться.

Я прошу прощения у читателя с тонко развитым чувством изящного, но... факт – он стал чесаться. Ведь поэты тоже люди. «Когда хорошенько подумать, ведь все мы голыми торчим в наших платьях...» – сказал весельчак Гейне, всю жизнь свою страдавший от тоски. Мой поэт тоже голым торчал в своём платье и поэтому свирепо

чесался...

– Однако, чёрт возьми! Это ведь, кажется, не что иное, как блохи! – воскликнул он и, сделав это открытие, как бы успокоился несколько, а потом решил, что в следующее посещение своей музы он подарит ей коробку хорошего порошка для истребления вредных насекомых. Затем – он возвратился к своим думам.

– Те, для кого жизнь представляет только удивительное разнообразие форм и полное отсутствие сущности, увидят в моих творениях...

Тут блоха его типнула под ложечкой, и он снова принял меры к уменьшению боли, причём потерял нить своей мысли... А она всё-таки кусалась... Стараясь не обращать внимания на боль, он снова попытался вознестись туда, – откуда только что слетел.

– Жизнь бесформенна от разнообразия форм, наполняющих её... И тот человек, чей могучий ум, уловив в каждой отдельной форме одно и то же истинное и общее всем им содержание, даст всей жизни твёрдую форму, тот сделает жизнь доступной пониманию всех людей. Это сделаю я в моих песнях!.. И, когда я это сделаю, всем и каждому будет ясно видно его место в жизни, его задачи и пути к счастью... Ах ты, запятая, поставленная сатаной на пути моём!.. погоди же!.. – И он ожесточённо ущипнул себя там, где она его укусила.

– Мои песни будут сиять и греть, как солнце, в холодном мраке сомнений, отягчающих души людей... Ты, чёрное несчастье... прыгающее зло... живой яд!.. Я же поймаю тебя, погоди!..

И, не имея более сил терпеть, он принялся, дрожа от злобы, искать её. Но когда он ловил её на груди, она кусала ему спину, и когда он подстерегал её на плечах, она грызла его колени...

Ночь бледнела, и, убегая от рассвета, по небу быстро плыла угрюмая, сизая туча. Вот из неё упало несколько крупных капель, точно она плакала о чём-то... Весьма вероятно, что и тучи могут плакать, ведь они так хорошо должны знать дела земли, плавая в небе вокруг неё...

Он не мог поймать её, неутомимо скачущую и сладострастно истязавшую его, то и дело вонзая свои челюсти в тонкую кожу моего героя, измученного борьбой с ней. Она была слишком мала для того, чтобы быть быстро побеждённой, и неустанно колола его то тут, то там, точно смеясь над его бессилием. О, эти мелочи! Эти чуть заметные глазом ядовитые пылинки действительности, разрушающие грандиозные и величественные здания мечтаний и отравляющие цветы грёз!.. Нужно быть почти великим, чтобы уметь успешно бороться с мелочами. А что, если бы Геркулесу предложили, вместо совершения известных двенадцати подвигов, выдержать одну битву с дюжиной блох?.. Я полагаю, что, по безрассудной храбрости своей, он согласился бы на это, но... затем?..

Мой герой дорого ценил себя; он по крайней мере час искал её и не нашёл, хотя она была тут и кусала его, кусала лениво и как бы смеясь над ним. И тогда, утомлённый и подавленный сознанием своего бессилия, он, печально вздохнув, опустился на землю, чувствуя, что на его теле выступает холодный пот отчаяния и ужаса.

– О жизнь! Коварное чудовище, не знающее сострадания, насмешливое, холодное и злое!.. Я понял твою бесстрастную игру! Ты увидела во мне непримиримого врага твоей разнузданности и победила меня в то время, как я собирался вступить в битву с тобой! Это неблагородно, но предусмотрительно. Да, ты сильна, и я чувствую это. Я признаю себя побеждённым, мне больно, но не стыдно, ибо я боролся сколько мог! Больше я не могу. Я не виноват в моей слабости. Если маленькое чёрное пятнышко заслоняет предо мною весь необъятный горизонт моей мысли... если каждый раз, как я подымаю очи в небеса, я, не достигая их головой, теряю из-под ног почву и бессильно болтаюсь в пространстве... кто виноват в этом?..

Но тут она впиалась ему под правую лопатку с такой яростью, точно пыталась прокусить его насквозь. Он побледнел от боли и тоски...

– О жизнь, не мучь меня, я сдамся без борьбы! – патетически вскричал он, в то же

Грустная история. Максим Горький gorkiymaxim.ru
время стараясь схватить её рукой, но она уже исчезла и щекотала его поясницу, очевидно приготавливаясь снова куснуть...

– Я полчаса назад тому был орёл и, червь теперь, познал, как мало нужно жизни времени и усилий, чтоб сломить гордость человеческого духа. Что поставлю я против всеограждающей силы действительной жизни? Где почерпну я гордого духа для битвы с ней? Мне ли ничтожною крупичкою мозга проникнуть в тайный смысл её намерений? О жизнь, таинственное чудовище без сострадания и любви к детям твоим!

А блоха-то всё кусала его... Увы! где нужна персидская ромашка, там ничто самые роскошные цветы риторики!.. Ах, непременно нужно понимать, что к чему!.. И мой герой погиб, изглоданный блохой.

Он низко, низко опустил голову и пошёл домой, чувствуя, что всё тело его как бы горит в огне, и не обращая внимания на то, что небо над ним уже было покрыто предрассветным румянцем и земля чутко молчала, как бы замерев в ожидании первых лучей солнца. И вот они брызнули, разорвав лёгкую тучку, мешавшую им свободно излиться в мягкую голубую пустыню небес... Они брызнули, и земля отрадно вздохнула им навстречу. И запели птицы, и зашумели деревья, и небо засияло так ласково и важно над пробудившейся к жизни землёй...

Но мой герой не видал ничего этого, ибо душа его угнетена была скорбью и тело истерзано болью. Он шёл, опустив голову, и, когда пришёл домой, разделся, тщательно обыскал и перетряс своё платье и бельё, не нашёл ничего и лёг спать, чувствуя себя разбитым и больным. Он спал мало, тревожно, и ему снились всё такие страшные сны... Он видел, как одна громадная блоха, прокусив грудь, грызла его сердце... И видел ещё много подобных ужасов. А поутру, проснувшись, он долго лежал в постели и смотрел в потолок глазами, полными грусти. И когда, наконец, он встал, умылся, попил чаю, то сел за стол, охваченный тоскливым вдохновением, с холодом в сердце и с огнём отчаяния в голове, – сел за стол и написал:

Я жизнью жестоко обманут,
И столько я бед перенёс,
Что больше в душе не воспрянут
Рои погребённых в ней грёз!
Их много там! Склеп им так тесен!..
Я в саваны рифм их одел
И много над ними я песен
Печальных, как стоны, пропел...
Пропел – и теперь не нарушу
Я больше их мёртвого сна...
Господь! Упокой мою душу!
Она безнадежно больна...
* * *

Ни капли я счастья не пил,
И ждать я его не могу!
Нет, сердце, сожжённое в пепел,
Надеждой я вновь не зажгу!
Обманов и грёз мне не надо –
Пусть мир их отраден и мил,
Милей мне бокал того яда,
Который всё время я пил!
Я жизнь мою смело разрушу,
Когда его выпью до дна...
Тогда... упокою ли душу,
Что так нестерпимо больна?
* * *

Мне жизни игра непонятна –
Я пасынок грубой земли;
На сердце мне тёмные пятна
Глубокой печали легли.
И жизнь прохожу я фатально,
Не нужен я в ней никому;
В ней сердцу живётся печально
И слишком в ней тёмно уму!
Я встречи со смертью не трушу,
Пусть смерть холодна и темна.
Господь! Упокой мою душу!

Грустная история. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Она безнадежно больна!

И, написав такое стихотворение, он его вскоре напечатал. Те из публики, которые раньше читали его стихи, прочитав эти, говорили:

– несчастный! Давно ли ещё он был так жизнерадостно настроен? О, проклятые условия жизни! Как быстро они давят всё мало-мальски талантливое и живое! Какая драма разыгралась в душе этого симпатичного таланта?

Говорили и многое другое... Ведь публика всегда много говорит, это её специальность, и я не ставлю ей это в вину, твёрдо памятуя, что всякий делает то, что может. Никак не больше того, что может.

Так печально погиб мой герой!.. Вот как гибнут лучшие силы и мысли наших поэтов! Вот почему печальные песнопения так обильны и громки!..

Погиб мой поэт!.. Я описал один только эпизод из его жизни, но и этот эпизод ясно говорит о том, какой грандиозный и непосильный труд жизнь для человека, который с понятием «жить» соединяет необходимость быть чем-нибудь в жизни!

А если этот эпизод не говорит ничего подобного? Всё равно! Вообразите, что он говорит именно это. Мне, видите ли, нужно, чтоб в моей истории лежала какая-либо мораль. Вам же ничего не стоит вообразить так мало... Воображаете же вы, читатель, что, при данных ваших свойствах, вы всё-таки достойны лучшей участи в жизни!..

Погиб мой герой!.. А если кто-либо подумает, что я неверно осветил причины его гибели, – тот ошибается. Мне нет надобности делать его лучше или хуже, чем он есть. Я – покорный слуга истины, он – поэт. Мы с ним чужды друг другу; он хочет быть знаменитым, я не люблю пошлости...

Затем мы оба всё-таки люди. Да помогут же боги быть более мудрыми, чем мы есть, и тогда, может быть, он не будет писать своих стихов, а я – моей прозы. Аминь!

Примечания

1 О, читатель! не подумай, что это аллегория, а не блоха. Уверю тебя, клянусь тебе, что это блоха, а не аллегория, не символ, как принято говорить теперь...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!